

Загоскин Михаил Николаевич

Кузьма Рощин

Истинное происшествие

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Николаевич З.**
Кузьма Рощин: Истинное происшествие / Загоскин Михаил Николаевич — М.: Книга
по Требованию, 2023. — 140 с.

ISBN 978-5-519-85464-1

ISBN 978-5-519-85464-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Разбойникъ.

Говорятъ, что нѣтъ ничего прекраснѣе и разнообразнѣе уединенныхъ береговъ рѣки Свири, которая, соединяя Онежское озеро съ Ладогой, перерѣзываетъ поперекъ всю западную часть Олонецкой губерніи. Я не думаю, однакожъ, чтобы берега ея были живописнѣе нагорной стороны широкой Оки, особливо на пространствѣ тридцати или сорока верстъ въ окрестностяхъ одного уѣзднаго города, котораго названіе, безъ сомнѣнія, отгадаютъ читатели, если я скажу, что нѣкогда, съ обширнымъ своимъ округомъ, онъ составлялъ отдѣльное государство и былъ столицею царя, но только не православнаго. Лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ, верстахъ въ восьми отъ этого прежде бывшаго престольнаго града, на высокой горѣ, которая почти отвѣсно опускается до самой Оки, стоялъ обширный господскій домъ вовсе не красивой наружности, —

объ этомъ старики наши мало думали, — но сложенный на прочномъ кирпичномъ фундаментѣ, изъ толстыхъ сосновыхъ брусевъ, съ дощатою плотною кровлею, съ огромными печами, съ маленькими окнами, словомъ — домъ, построенный такъ, какъ строили въ старину свои дома богатые помѣщики, которые не знали англійскаго слова comfortable, но любили жить тепло и спокойно; не прорубали большихъ итальянскихъ оконъ, не имѣли понятія о цѣльныхъ стеклахъ, не украшали лѣпными барельефами своихъ деревянныхъ домовъ, но зато и не строили ихъ изъ лучинокъ; порѣже нашего кашляли и почаше оставляли дома въ наслѣдство своимъ внучатамъ.

Въ полуверстѣ отъ барскаго двора начинался, также по гористому берегу рѣки, длинный рядъ крестьянскихъ избъ; онъ оканчивался большимъ лугомъ, посреди котораго стояла обшитая тесомъ деревенская церковь; позади нея выстроены были бѣлыя избы для священника и всего причта. Деревенское кладбище было расположено поодаль отъ церкви, внизъ по крутому скату горы; но два или три надгробныхъ камня и нѣсколько деревянныхъ голубцовъ возвышались на самомъ церковномъ погостѣ. Тутъ было мѣсто вѣчнаго успокоенія дворянъ Ильменевыхъ, родовыхъ помѣщиковъ села

Зыкова и прилежавшихъ къ нему двухъ деревень, — что все вмѣстѣ составляло душъ до восьмисотъ и давало право Сергѣю Филипповичу Ильменеву, тогдашнему помѣщику Зыковской волости, полагать себя въ числѣ первыхъ дворянъ Ка.....ва уѣзда.

Въ одинъ ненастный вечеръ, — это было въ концѣ шестой недѣли Великаго поста, — Сергѣй Филипповичъ Ильменевъ, добрый старикъ лѣтъ шестидесяти, въ широкомъ калмыцкомъ тулупѣ и красныхъ сафьяновыхъ сапожкахъ, сидѣлъ за небольшимъ дубовымъ столикомъ противъ своего сосѣда, мелкопомѣстнаго дворянина и пожилого вдовца, Ивана Тимоѣевича Зарубкина; они играли въ шахматы. Въ одномъ углу комнаты сѹпруга хозяина, въ бѣломъ пудремантѣ и преогромномъ накрахмаленномъ чепцѣ, вязала чулокъ; подлѣ нея, при свѣтѣ двухъ сальныхъ огарковъ, Машенька, миловидная дѣвушка лѣтъ семнадцати, единственная дочь Ильменевыхъ, вышивала въ пяльцахъ; позади нея, облокотясь на высокую спинку стула, стоялъ молодой и видный офицеръ въ драгунскомъ мундирѣ. Поодаль отъ нихъ три краснощекія сѣнныя дѣвушки, съ длинными косами, въ мухояровыхъ кофтахъ, сидѣли за круглыми подушками и плели кружева; у дверей переминался съ ноги на ногу вооруженный свѣчными щипцами мальчикъ въ байковомъ казакинѣ, а въ

самомъ темномъ углу комнаты, прислонясь спиною къ большой изразцовой печи съ лежанкою, стоялъ человѣкъ лѣтъ тридцати-пяти, высокаго роста, съ окладистою русою бородою. По платью можно было его принять за богатаго мѣщанина или купца.

Если дѣйствительно наружныя формы и выраженіе лица служатъ вывѣскою душевныхъ нашихъ качествъ, то, конечно, лицо этого человѣка было исключеніемъ изъ общаго правила. Пріятная наружность, простодушная веселая улыбка и въ то же время пара сѣрыхъ глазъ, которые по временамъ сверкали изъ-подъ густыхъ бровей, какъ сверкаютъ глаза тигра, когда онъ крадется къ своей добычѣ, — все это вмѣстѣ составляло такую чудную смѣсь добра и зла, что самъ краснорѣчивый Лафатеръ, который съ такимъ разнообразіемъ описалъ и разгадалъ тысячи двѣ человѣческихъ фізіономій, задумался бы, взглянувъ на лицо этого купца. Казалось, онъ смотрѣлъ съ большимъ участіемъ на играющихъ въ шахматы; но лишь только замѣчалъ, что никто не обращаетъ на него вниманія, безпокойный и быстрый взоръ его облеталъ всю комнату и вспыхивалъ, какъ порохъ, останавливаясь на небольшомъ желѣзномъ сундукѣ, который помѣщался въ переднемъ углу подъ образами.

— Какъ я погляжу на тебя, Владиміръ Ивано-

вичъ, — сказала драгунскому офицеру хозяйка дома, не переставая вязать свой чулокъ, — такъ, видитъ Богъ, и вѣрить-то не хочется, чтобъ такой бравый молодецъ былъ тотъ самый Володя, котораго я, десять лѣтъ тому назадъ, за уши дирала! Да долго ли ты намъ достался, батюшка?

— Я думаю, Варвара Дмитриевна, — отвѣчалъ офицеръ, — что нашъ полкъ прогостить у васъ до самой зимы. Моей ротѣ приказано заготовить фуражу на шесть мѣсяцевъ.

— А гдѣ ты, мой отецъ, квартируешь съ твоими солдатами?

— Я живу у батюшки, а рота моя стоитъ въ полуверстѣ отъ меня, въ большомъ экономическомъ селеніи... Какъ бишь его зовутъ?

— А, знаю, знаю! Село Воскресенское. Да это близехонько. Ахти-хти-хти!.. То-то горько будетъ твоему батюшкѣ, когда ему придется опять съ тобой разстаться!

— Да, авось, не разстанемся, матушка Варвара Дмитриевна, — сказалъ Зарубкинъ, подвинувъ впередъ одну пѣшку. — Я хочу взять его въ отставку; пора: послужилъ царю-государю, — будетъ съ него. А то, пожалуй, уѣдетъ опять куда-нибудь лѣтъ на десять, такъ некому будетъ меня похоронить. Легко вымолвить: десять лѣтъ мы не видались; а по-

слѣдніе три года, какъ началась война съ пруссакомъ и угнали ихъ въ эту Нѣметчину, такъ и слуху объ немъ вовсе не было. Эхъ, матушка, матушка! Я ужъ на ладанъ дышу, плохъ сталъ, гдѣ мнѣ одному хозяйничать: то проглядишь, того не досмотришь...

— И, полно, Иванъ Тимоѣевичъ! Да ты еще такой хозяинъ, что и намъ бы не худо у тебя поучиться; мы только-что концы съ концами сводимъ, а ты, батюшка, живешь не по-нашему, и копеечку зашибить умѣешь; съ каждымъ годомъ становишься богаче: то купишь деревеньку, то прихватишь земли. Да вотъ и у насъ почти двѣ пустоши сторговаль! Откуда что берется. Года три тому назадъ, у тебя и двадцати душъ не было, а теперь, чай, подъ сотню идетъ?

— Слава Богу, матушка, найдемъ и побольше. Да въ томъ-то и дѣло: чтобъ все это прахомъ не пошло, такъ надобно мнѣ помощника, а Володѣ моему помощнику. Не правда ли, ваше благородіе... а?.. Ну, что молчишь? Чай, скажешь, что дочка моего сосѣда, Ѳаддея Карпыча Побирашкина, тебѣ не приглянулась?

— Да я ее только однажды и видѣлъ, батюшка,—отвѣчалъ офицеръ съ примѣтною досадою,—и вовсе не имѣю желанія увидаться съ нею въ другой разъ.

— Полно, полно, молодецъ! — продолжалъ Зарубкинъ, подвинувъ впередъ еще одну шашку. — А о чемъ же ты по ночамъ вздыхать изволишь? Вѣрите ль, матушка, съ того самаго часу, какъ онъ ее увидѣлъ, а это былъ тотъ день, какъ я въ первый разъ привезъ его къ вамъ, онъ вовсе не тотъ сталъ: все задумывается; люди добрые спятъ, а онъ бродить, какъ шальной, по лѣсу; не позовешь обѣдать, такъ самъ не поидеть; да и за обѣдомъ-то ѣсть, словно ребенокъ; вовсе хлѣба лишился! А кажется, всѣмъ здоровъ, и городской нашъ лѣкарь, Иванъ Ѳомичъ, то же говорить. Ну, что жъ это значить?

— Да, да, — сказала хозяйка, взглянувъ съ лукавою улыбкою на офицера; — по этимъ примѣтамъ и я начинаю думать... Что ты, Машенька, все нагибаешься?

— Ничего, маменька! — отвѣчала дѣвушка, не сводя глазъ съ своей работы: — клубокъ упалъ.

— Да развѣ дѣвка не могла поднять? Смотри, какъ ты покраснѣла: вся кровь въ лицо бросилась!

— Что, Сергѣй Филипповичъ, надумались ли, батюшка? — спросилъ Зарубкинъ хозяина, который нѣсколько уже разъ брался попеременно то за ту, то за другую шашку.

— Эхъ, братецъ, не торопи! Разговаривай съ женою, а мнѣ думать не мѣшай!

— Ну что, матушка? — продолжалъ Зарубкинъ, обращаясь снова къ хозяйкѣ. — Вѣдь я, точно, правъ. Владиміръ у меня малый совѣстливый, стыдливый; отъ него правды, какъ отъ красной дѣвушки, не скоро добьешься, а чему быть, тому не миновать.

— Да помилуйте, батюшка, — сказалъ съ нетерпѣніемъ драгунскій офицеръ, — что вамъ вздумалось на меня клепать?..

— Добро, добро, любезный! Развѣ я не видѣлъ, какъ ты на нее поглядывалъ?.. Потерпишь, потерпишь, да смолвишь когда-нибудь. И я такъ же въ старину тосковалъ о моей покойницѣ; точно такъ же тайлъ отъ всѣхъ, что она пришлась мнѣ больно по-сердцу; и у меня такъ же сна не было, и кусокъ въ горлѣ останавливался; а ужъ тоска-то была какая, тоска! ахъ ты, Господи Боже мой: два раза изъ петли вынимали! Зато, вѣрите ль, чуть было не спился отъ радости, совсѣмъ опалѣлъ! Подумаешь, какъ все на свѣтѣ мудрено устроено! Вотъ, напримѣръ, хоть эта любовь: курьезное дѣло! Любобога молодца съ ногъ срѣжетъ!

— Охъ, эта пѣшка! — вскричалъ Сергѣй Филипповичъ, потирая лѣвой рукой свой лобъ. — Ну, точно бѣльмо на глазу! Нельзя вывести коня, ладыя стоитъ

безъ дѣла... Ахъ, чортъ возьми!.. Ужъ добро бы шашка, а то это дрянъ, пѣшка проклятая!

— Да такъ-то всегда и бываетъ, Сергѣй Филипповичъ, — сказалъ Зарубкинъ, улыбаясь съ довольнымъ видомъ: — не бойся боярина, а бойся слуги. Не великъ человѣкъ секретарь нашего воеводы, а всѣ ему въ поясъ кланяются. Я прошлаго года попытался не послать ему на именины барашка въ бумажкѣ, такъ онъ чуть меня совсѣмъ не погубилъ. Выдумалъ, окаянный, что будто бы по зимамъ этотъ злодѣй Рощинъ держитъ у меня на хуторѣ свою разбойничью пристань, и если бы вы, мой благодѣтель и милостивецъ, не вступились въ мое горе, да не оправдали передъ начальствомъ, такъ меня бы, горемычнаго, какъ липку облупили. Я себѣ и думать не думаю; вдругъ прислали ко мнѣ сыщиковъ. Господи, Боже мой, какъ пошли они куръ душить! А тамъ нагрянула ко мнѣ цѣлая ватага подъячихъ изъ суда, принялись бражничать, давай имъ вина, наливки, того-сего; а ужъ какъ жрутъ-то, проклятые, жрутъ!.. Ключница моя, Никитишна, подастъ, имъ, бывало для фриштика жаренаго гуся, да окорокъ ветчины или бараній бокъ, глядь-поглядь, однѣ косточки остались! Такъ, бѣдная, и всплеснетъ руками. Да что и говорить, въ

конецъ было разорили! Ну что, Сергѣй Филипповичъ, изволили пойти слономъ?

— Пошелъ, братецъ.

— Напрасно, батюшка, напрасно! Шахъ королю!

— Какъ такъ?..

— Да такъ! Укрыться-то нечѣмъ: шахъ и матъ.

— Подлинно, шахъ и матъ! — раздался грубоватый голосъ позади Зарубкина: — да только вамъ, сударь, а не Сергѣю Филипповичу.

Зарубкинъ обернулся: позади него стоялъ купецъ.

— Полно, такъ ли, любезный, — сказалъ хозяинъ, взглянувъ съ удивленіемъ на купца. — Конечно, со стороны виднѣе; но, воля твоя...

— Посмотрите хорошенько.

— Смотрѣть-то я смотрю, да ничего путнаго не вижу.

— Попытайтесь, сударь; извольте-ка заслонить вашего царя конемъ.

— Такъ чтожъ? Онъ возьметъ его фѣрязью.

— Некогда будетъ, Сергѣй Филипповичъ; вѣдь тронувъ съ мѣста коня, вы откроете вашу ладью и скажете ему шахъ и матъ.

— Ахъ, батюшка, подлинно такъ! — вскричалъ Ильменевъ. — Точно, точно! Его царю нельзя двинуться съ мѣста!.. Что, братъ Иванъ Тимоѣевичъ, а!